

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ,

СОСТАВЛЯЕМЫЙ

МИХАИЛОМЪ КАЧЕНОВСКИМЪ

— — — *Id arbitror*

Adprime in vita esse utile, ne quid nimis.

Terent.

Н О Я Б Р Ъ • Д Е К А Б Р Ъ

1822.

М О С К В А.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФИИ.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

№ 22.

Н О Я Б Р Ъ 1822.

женное свое существованіе благотворному союзу съ общимъ Государственнымъ соспавомъ Россіи и пресмыкающіяся въ моральныхъ и политическихъ бѣдствіяхъ всякаго рода. Такъ непобѣдима сила привычки въ человѣкѣ дикомъ и такъ дорого цѣнишь онъ свою свободу!

Германъ.

Ливны.

Историческій взглядъ на сношенія Россіи съ Хивинскою областью.

Зѣмли, извѣстныя Европейцамъ подъ именемъ Независимой Ташаріи, раздѣляющіяся на множество малыхъ Магомешанскихъ областей, которыя состоятъ подъ управленіемъ пирановъ, называемыхъ Ханами, Инаками, Апалыками и Беями. Къ числу таковыхъ принадлежатъ Хивинское Ханство, древняя Харезмія или Ховарезмія, котораго главный городъ Хива построенъ на каналахъ рѣки Улу - или Аму-Дарьи (Охус), впадающей въ Аральское море. Область сія граничитъ съ Бухаріей, Хорозаномъ и Россіей, съ послѣдней черезъ степи Киргизскія и Туркменскія. Дѣтъ за шестьдесятъ передъ симъ полагали, что

она можетъ выставить до пятидесяти тысячъ ратниковъ: таковы ея народонаселеніе и военныя силы.

При Дворѣ Императора Петра I находился Хивинской посланецъ, который подтвердилъ распространившійся тогда слухъ, что воды Аму-Дарьи вымываютъ золотой песокъ изъ богатыхъ горъ, въ вершинахъ сей рѣки находящихся.

Основываясь на томъ, Императоръ приказалъ въ 1714 году построить въ Сибири у Ямышева озера крѣпость и изъ оной отправить подъ начальствомъ гвардіи Капитана Бухгольца экспедицію, которой цѣлю поставилъ: овладѣть городомъ Еркешомъ (Яркентомъ?) и развѣдать какъ о песочномъ золотѣ, такъ и о всей странѣ тамошней.

Въ 1716 году Государь нарядилъ посольство къ Хивинскому Хану Ширгази. Чрезвычайнымъ Посланникомъ назначенъ Гвардіи Капитанъ - Поручикъ Князь Бенковичъ - Черкасской; въ инструкціи, писанной собственною рукою Императора, повелѣно ему было:

1. Изслѣдовать проблему о прежнемъ теченіи Аму-Дарьи, о которой были извѣстія, что она впадала въ Каспійское море, но Узбеками обращена

посредствомъ плотинъ и каналовъ въ Аральское.

2. Склонить Хивинскаго Хана къ подданству.

3. На пути къ Хивѣ, и особливо при устьѣ Аму - Дарьи, устроить, гдѣ нужно, крѣпости.

4. Утвердившись тамъ, вступить въ сношенія съ Бухарскимъ Ханомъ, склоняя и его къ подданству.

5. Отправить изъ Хивы, въ видѣ купца, Поручика Кожина въ Индостанъ, для проложенія торговаго пути, а другаго искуснаго офицера въ Еркешъ для разысканія о золотыхъ рудахъ (*).

(*) Бухгольцова экспедиція не имѣла успѣха. Зюнгоры не дали ему достроить крѣпости и сожгли ее, принудивъ гарнизонъ и снаряды вывезти на устье Оми, гдѣ по его плану построена Омская крѣпость въ 1716. Послѣ того, поссорившись съ Сибирскимъ Губернаторомъ Княземъ Гагаринымъ, Бухгольцъ уѣхалъ въ Петербургъ. На мѣсто его въ 1719 присланъ Гвардіи Маіоръ, Ген. Маіоръ Лихаревъ, которому велѣно было построить крѣпость на озерѣ Норъ-Зайсанъ. Онъ пришелъ туда по Иртышу на лодкахъ, осмотрѣлъ мѣсто, драгся съ Зюнгорами, не могъ тамъ утвердиться, и также, какъ и Бухгольцъ, не ходилъ далѣе; но построилъ крѣпости: Усть-

Таковы были великіе виды безсмертнаго Петра на тѣ страны.

Въ сію экспедицію Государь назначилъ войска чешыре шысячи, вышеупомянутаго Кожина, еще нѣскольکو Морскихъ офицеровъ, двухъ инженеровъ и двухъ негоціантовъ (*). Сенапу предписано было снабдить ихъ всѣми пособіями и граматами къ Ханамъ и Великому Моголу.

Первыя распоряженія Бековича въ исполненіи сего плана были превосходны. Въ томъ же году онъ отправился на судахъ изъ Аспрахани съ шрема пѣхошными полками: Пензенскимъ, Крушоярскимъ и Риддеровымъ; на воспоч-

Каменогорскую и Семипалатинскую; первую укрѣплялъ Инженеръ - Капитанъ Лентранжъ.

Любопытно узнать, куда дѣвались послѣ того Зюнгоры? На предѣлахъ Иртыша ихъ нѣтъ нынѣ. Преданіе говоритъ, что Китайское оружіе искоренило ихъ безъ остатка въ годы, современныя правленію Императрицы Елисаветы Петровны. Не невѣрояшно однакожъ, чѣмъ нѣкошорая часть сего идолопоклонническаго племени не уцѣлѣла и не удалилась въ горы Тибеша. Г.]

(*) „Двухъ человекъ добрыхъ людей изъ купечества, и чѣмъ они были не спары“ — писалъ Монархъ.

ныхъ берегахъ Каспійскаго моря заложилъ при крѣпости: Тюкѣ-Караганскую, Александробаевскую и Красноводскую; въ первой оставилъ гарнизономъ Пензенской полкъ, во второй при роты Крушоярскаго, въ послѣдней прочую часть своей пѣхоты подъ командою Полковника Фонѣ-дерб-Вейдена. Здѣсь полагалъ онъ, что найдетъ прежнее устье Аму-Дарьи. Между тѣмъ отправилъ въ Хиву двухъ вѣспниковъ о своемъ посольствѣ: Грека, по имени Кирьяка, и Астраханскаго дворянина Воронина.

Послѣ сего возвратился съ двумя ротами въ Астрахань, ѣздилъ въ Казань, набралъ тамъ изъ плѣнныхъ Шведовъ 500 охотниковъ, сформировалъ изъ нихъ сильный драгунской ескадронъ подъ командою Маіора Франкенберга; посадилъ его на суда, высадилъ въ Астрахани, и въ Іюль 1717 пошелъ опшуда сухимъ путемъ въ Гурьевъ, имѣя, кромѣ драгунъ и двухъ ротъ пѣхоты съ артиллеріей, Гребенскихъ козаковъ 500, Нагайскихъ 500 и купеческой караванъ изъ Астраханскихъ обывателей, мастеровыхъ, ремесленниковъ, Ташаръ и Бухарцевъ до 200 человекъ; а въ Гурьевъ присоединилъ къ себѣ Уральскихъ козаковъ 1500, подъ начальствомъ старшины Никишы Бородиня.

Все дѣлалось скоро, легко и общало несомнѣнный успѣхъ.

При экспедиціи находились морскіе и инженерные офицеры: Козинъ, Князь Урусовъ, Лебедевъ, Реншель, Давыдовъ, штурманъ Брантъ, и на ординарцахъ солдаты гвардіи: Чебошаевъ, Яновлевъ и Князь Вяземской; сверхъ того, въ качествѣ дипломатовъ, Туркменецъ Ходжа Нефесъ и нѣкто Князь Самановъ, Персіанинъ, подъ симъ именемъ вступившій въ нашу службу Стольникомъ.

Лейтенантъ Кожинъ остался въ Астрахани и долженъ былъ послѣ явившся у Бековича; но не побѣхалъ: и когда Астраханской Губернапоръ принуждалъ его къ отправленію, то онъ подалъ доносъ на Бековича, обвиняя его въ измѣнѣ и утверждая, что слѣды прежняго печенія Аму-Дарьи существовали только въ его воображеніи.

Изъ Гурьева Бековичъ пришелъ въ два марша къ Ембѣ; переправясь черезъ сію рѣку на плахахъ, черезъ пять дней получилъ онъ на походъ повелѣніе Петра послать черезъ Персію въ Восточную Индію надежнаго человека, свѣдущаго въ языкѣ тамошнихъ странъ,

съ тѣмъ, чтобы онъ, развѣдавъ о способахъ торговли и добываніи золота, черезъ Нишай явился къ Бековичу въ Бухарию.

Сей великій Монархъ не хотѣлъ знать прудносшей и находить невозможности въ достиженіи своихъ мудрыхъ видовъ.

Бековичъ, исполняя волю Государя, отправилъ Мурзу Тевкелева (*); но въ Аспрабагѣ Паша арестовалъ его, и уже по домогательству Волынскаго, нашего Посла при Персидскомъ Шахѣ, освободилъ и возвратилъ въ Аспраханъ.

По отправленіи Тевкелева, Бековичъ шелъ близъ мѣсяца къ Хивѣ, куда послалъ претѣяго гонца съ письмомъ къ Хану, ибо первые два не возвращались. Уже онъ прошелъ берега Аральскаго моря и развалины прежняго Ургенча; до Хивы оставалось не болѣе 120 верстъ: вдругъ былъ атакованъ Хивинцами въ числѣ 24 тысячъ подъ предводительствомъ самаго Хана. Три раза возобновлялось нападеніе, при разѣ Хивинцы разбины и прогнаны; Бековичъ быстро приближался къ Хивѣ, изъ кошорой жишели удалялись поспѣшно.

(*) Онъ былъ послъ Генераль-Маіоромъ и товарищемъ Оренбургскаго Губернатора.

Въ Хивинскомъ лагерѣ между шѣмъ собранъ совѣтъ, на которомъ одинъ изъ военачальниковъ, по имени Дусанъ-Бай, предложилъ истребить Рускихъ хитростью и коварствомъ. Ханъ послушался и открылъ переговоры, въ коихъ извѣдывалъ, что военныя дѣйствія начаты имъ были отъ незнанія намѣреній Бековича; когда же увѣдомился онъ, что Бековичъ есть мирный Посланникъ Россійскаго Монарха: то просилъ извиненія, принимаетъ его съ усердіемъ въ своихъ владѣніяхъ и отправляетъ къ нему знатнѣйшихъ чиновниковъ своихъ для условія о личномъ свиданіи и дальнѣйшихъ переговорахъ; между шѣмъ просилъ не вступать со всѣми войсками въ городъ, пока не успокоятся жители, встревоженные внезапнымъ появленіемъ побѣдоносныхъ чужестранцевъ.

По несчастію и неосторожности (чтобъ не сказать болѣе), Князь Бековичъ всему етому повѣрилъ, и вскорѣ съ малымъ конвоемъ поѣхалъ къ Хану, возвратившемуся уже въ свой вертепъ, а войска оставилъ на границѣ, подъ командою Маіора Франкенберга.

Едва Хивинцы увидѣли, что могутъ безъ труда овладѣть слабымъ опрядомъ симъ, то заперли городскія ворота, умершвили всю посольскую свиту

и принудили Посланника написать повелѣніе, чтобы войска отдали оружіе на сохраненіе Хивинскимъ комиссарамъ и расположились бы на квартирахъ у обывателей въ городскихъ предмѣстіяхъ.

Франкенбергъ заспавилъ повшорить себѣ три раза нелѣпый сей приказъ; наконецъ, когда малодушный начальникъ, упрекая его въ послушаніи, грозилъ ему казнію, какъ измѣннику, онъ исполнилъ повелѣніе и — погибъ со всѣми храбрыми товарищами прагической судьбы своей. Раздѣленные и обезоруженныя силы наши не могли сопротивляясь въроломнымъ убійцамъ, которые истребляли однихъ и опягчали оковами другихъ; самага Бековича умершвили ширански и голову его опправили съ шоржесствомъ въ Бухарскому Хану, который однакожь не принялъ сего профея, выгналъ присланныхъ, и узнавъ о жестокостяхъ Хивинскихъ варваровъ, велѣлъ спросить: не людоѣды ли они и не питаются ли человѣческою кровію?

Такъ кончилась сія экспедиція, которая произвела народную пословицу: *пропалъ, какъ Бековичъ*. Немногіе наши случай избѣжать общей гибели, возвратились въ опечество и были ея вѣспниками, въ томъ числѣ и выше-

упомянутый Уральской Спаршина Бородинъ.

Императоръ, занятый тогда войною на сѣверѣ, а можетъ быть и почиая истребленіе Бековичевыхъ войскъ справедливымъ дѣйствіемъ въ защиту народной независимости, оставилъ Хивинцевъ спокойно наслаждаться плодами своей побѣды, приобрѣщенной не мужественнымъ сопротивленіемъ, не военною хитростію, но коварнымъ предательствомъ и звѣрскою жестокостію.

Въ послѣдующія царствованія также не предпринималось ничего къ наказанію вѣроломныхъ, къ которому, кажется, всегда имѣть можно справедливую причину; ибо столѣшняя давность въ семъ случаѣ едва ли служилъ оправданіемъ, тѣмъ болѣе, что профеи побѣды — Бековича пушки — донинѣ въ рукахъ его побѣдителей, оскорбляя нашу военную гордость и народное право; ибо сіи пушки должны были охранять лице посланника на походѣ его черезъ степи, обитаемыя кочующими племенами, еще неподвластными тогда Россіи.

Въ 1804 и 1805 годахъ въ Оренбургѣ, въ бытность тамъ Военнымъ Губернаторомъ Генерала ордена кавалеріи Князя Волконскаго, готовилась экспе-

диція, о которой въ тамошнемъ краю между частными людьми носились слухи, что она имѣла цѣлюю предпріятіе противъ Хивы; но какъ въ публикѣ о томъ ничего неизвѣстно, то и не можемъ о семъ предметѣ распространиться.

Между тѣмъ Хивинцы не переставали ѣздить къ намъ для торгу, сначала въ одну Астрахань, потомъ въ Оренбургъ, наконецъ и въ Сарайчиковскую крѣпость, отъ которой до Ургенча счисляется не болѣе 800 верстъ. Караваны ихъ ежегодно приходили въ сіи мѣста.

Они многократно отправляли даже посланцевъ къ нашему Двору и выпрашивали разныя милости. Въ 1747 году Иностранная Коллегія прислала въ Оренбургъ изъ Астрахани Хивинскаго Посланника Ходжу Мухаммеша, для отправленія его обратно въ Хиву; а въ 1750 году приѣзжалъ въ Оренбургъ Хивинской посланецъ Ирѣили Ширѣ-Бекъ.

Также и отъ насъ посылались чиновники въ Хиву, только не отъ Двора, а отъ лица пограничныхъ начальниковъ. Въ 1740 году отправлены туда были Геодезистъ Муравинъ и Инженеръ Назимовъ, изъ коихъ первый описалъ путь до Аральскаго моря и сочинилъ оному

каршу, а послѣдній снялъ подробный планъ города Хивы (*). Въ 1753 посла-

(*) Сей планъ въ 1818 году доставленъ въ Военно - Топографическое Депо Главнаго Штаба Е. И. В. Замѣчательно, что въ Хивѣ господствовалъ тогда (1740) Киргизкайсацкой Ханъ Абулхайръ, пошѣ самый, который уже около десяти лѣтъ считался въ подданствѣ Россіи. Въ сіе время Шахъ Надыръ подступалъ къ Хивѣ. Абулхайръ отправилъ къ нему Муравина, какъ Рускаго. Шахъ принялъ его благосклонно, одарилъ щедро и отпустилъ, велѣвъ объявить Абулхайру, чтобы онъ самъ явился въ его лагерь. Но сей, по боязни, убѣждалъ въ степѣ и возвратился въ свою орду. Шахъ послѣ того занялъ Хиву, наложилъ контрибуцію на жителей, многихъ вывелъ въ Персію, на ханство посадилъ одного изъ своихъ офицеровъ и оставилъ при немъ гарнизонъ. По удаленіи Шаха Хивинцы умертвили новаго Хана и испребили всѣхъ его солдатъ; послѣ чего выбрали въ Ханы сына Абулхайрова, Султана Нурали, который, боясь мщенія Персіанъ, добровольно сложилъ съ себя Ханскую шапку. Сей Нурали въ 1748 году смѣнилъ отца своего въ достоинствѣ Киргизкайсацкаго владѣтеля; но судьба играла его пронами: въ 1786 году онъ взятъ изъ Орды и отосланъ въ Уфу, гдѣ черезъ чепыре года умеръ. Исторія его имѣетъ нѣкоторое сходство съ трагедіей Корсиканскаго Хана, узника Св. Елены. Тѣ же явленія и характеры; только другой театръ, другіе зрители. Муравинъ

ны изъ Оренбурга въ Хиву агеншы (*) освѣдомиться о тамошнихъ обстоятельствахъ. Они были тамъ задержаны, едва не умерли съ голода; однакожь освобождены, возвратились и дошавили нѣкопорыя свѣдѣнія.

Въ 1774 году Нижегородскаго пѣхошнаго полка уншербъ-офицеръ Ефремовъ схваченъ былъ Киргизцами на Донгусскомъ форпостѣ и опшведенъ въ Бухарию. Тамошній Апалыкъ сдѣлалъ его сначала надзирашелемъ серали, а потомъ опредѣлилъ въ военную службу, въ кошорой онъ дослужился до чина Юзбаши (Ропмиспра). Ефремовъ ходилъ съ корпусомъ Апалыковыхъ войскъ въ Самарканду, Мавру и Хиву; опшуда бѣжалъ въ Коканшъ, Кашгаръ и Яркендъ; чрезъ Тибетъ пробрался въ Калькушшу, на Англійскомъ фрегатѣ приѣхалъ въ Лондонъ, въ 1782 явился въ Пешербургъ, гдѣ напечаталъ книжку о своихъ приключеніяхъ и помѣстилъ въ ней нѣсколько извѣстій о спранахъ, кошорыя посѣщалъ, въ томъ числѣ и о Хивѣ.

и Назимовъ возвратились въ 1741 году въ Оренбургъ, гдѣ Главнокомандующимъ былъ тогда Генер. Лейп. Князь Урусовъ. Г.

(*) „Изъ спашскихъ служилшелей“ сказано въ запискахъ того времени. Г.

Изъ Европейцевъ, исключая Русскихъ, никто въ той странѣ не бывалъ (сколько извѣстно), кромѣ Дженкинсона, который въ 1558 году (*) плавалъ по Каспійскому морю, вышелъ при Мангишлакѣ на берегъ и доходилъ до укрѣпленія Селлизура и до сѣвера Ургенча.

Въ 1793 году Хивинцы прислали къ намъ двухъ посланцевъ, которые выѣхали на Орскую крѣпость. По разсмотрѣннѣй привезенныхъ ими бумагъ оказалось, что Инакъ Авязъ - Бекъ просилъ прислать въ Хиву глазнаго врача для ослѣпшаго дяди своего, Хана Мухаммедъ - Фазиль - Бея, обѣщая врача сего сохранно препроводить въ оба пути черезъ степи Киргизкайскакія и въ Хивѣ содержать *гостно и прилично*.

Уфимской Губернаторъ Пеушлингъ донесъ Двору о семъ прошеніи. Іюня 14 состоялся именный Указъ Императрицы Екатерины II, чтобы по просьбѣ Инака отправить въ Хиву съ прибывшими посланцами Майора Бланкеннагеля, „во врачеваніи глазъ многими опытами оказавшаго искусство.“

Вскорѣ послѣдовалъ другой именный Указъ (23 Іюля), и объявлено Плапономъ

(*) См. *Vogages au Nord*.

Александровичемъ Зубовымъ Высочайшее повелѣніе Пеуплингу, чшобы:

1. „Въ дополненіе данныхъ Бланкеннагелю въ С. Пешербургѣ наставленій, сообщитъ ему изъ Оренбургской пограничной Экспедиціи свѣдѣнія, касающіяся до края, куда онъ путь предприимлетъ.

2 „Снабдитъ его переводчикомъ и всѣмъ нужнымъ къ безопасному и увѣришельному пробѣзду въ Хиву.

3. „Командировать съ нимъ искуснаго Геодезиста.

4. „Производитъ ему на содержаніе по 200 рублей серебромъ въ мѣсяцъ, и опустивъ по сему положенію впредь за одинъ годъ, продолжая таковую выдачу, доколѣ онъ въ порученной ему комиссіи пробудетъ, пересылая деньги при удобномъ случаѣ.“

Такимъ образомъ Бланкеннагель, удовлетворенный всѣми потребностями и пособіями, отправился въ Хиву въ Сентябрѣ 1793 изъ Илецкой защиты; а возвратился оттуда въ слѣдующемъ году черезъ Туркменскія кочевья въ Астрахань. Онъ смотрѣлъ на сію страну глазами умнаго и просвѣщеннаго наблю-

дашеля; свѣдѣнія, имѣ собранныя, весьма любопытны; онѣ напечатаны на Русскомъ языкѣ въ журналѣ: Соревнователь просвѣщенія и благошворенія 1818 года.

Чрезъ сіи случаи Россія поспешенно приобрѣшала основательныя извѣстія о Хивинскомъ Ханствѣ, которыя находясь не только въ рукахъ Правительсва, но и у многихъ частныхъ любителей географическихъ знаній.

Оспасаюсь упомянуть о новѣйшихъ сношеніяхъ. Въ 1818 году Оренбургскій Военный Губернаторъ, Генералъ отъ инфантеріи Ессенъ, посылалъ въ Хиву поручика Сунхангулова; въ 1819 назначался туда, по Высочайшему повелѣнію, одинъ изъ Адъютантовъ сего Генерала; но какъ въ послѣдствіи Государь Императоръ извоилъ ошмѣнить ошправленіе сего офицера, то по другому повелѣнію Его Императорскаго Величества посланъ былъ туда Коллежскій Совѣтникъ Бекчуринъ, который возвратился въ 1820 году и былъ въ Хивѣ въ одно время съ Полковникомъ Муравьевымъ.

Германъ.

Ливны:

25 Ноября,

1822 года.